

УДК 94(470.53+470.57):323.17

doi 10.17072/2219-3111-2022-3-48-57

Ссылка для цитирования: *Каменских М. С.* Факторы этничности при территориальном размежевании Уральской области и Башкирской Республики в 1920-е годы // Вестник Пермского университета. История. 2022. № 3(58). С. 48–57.

ФАКТОРЫ ЭТНИЧНОСТИ ПРИ ТЕРРИТОРИАЛЬНОМ РАЗМЕЖЕВАНИИ УРАЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ И БАШКИРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В 1920-Е ГОДЫ¹

М. С. Каменских

Пермский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук, 614000, Россия, Пермь, ул. Ленина, 13а;

Пермский национальный исследовательский политехнический университет, 614000, Россия, Пермь, Комсомольский пр., 29

mkamenskih27@gmail.com

ORCID: 0000-0002-4041-086X

ResearcherID: AAO-7027-2020

Scopus Author: ID: 57205528007

В статье рассматривается ситуация пограничных конфликтов 1920-х гг. между Уральской областью и Башкирской Автономной Социалистической Республикой (БАССР) за территории излучины рек Белой и Камы. Особо подчеркивается, что в историографии сегодня существует нарратив о преимущественном положении «национальных республик» в СССР в 1920-е гг., однако данное положение может быть пересмотрено. До 1918 г. рассматриваемые земли принадлежали башкирским землевладельцам, но жили на них русские крестьяне, бравшие их в аренду. После прихода к власти большевиков и отмены арендных отношений и Уральская область, и Башреспублика претендовали на данные территории. Первая указывала на русский состав населения, вторая – на сложившиеся экономические связи. В тексте подробно рассмотрены развитие данной конфликтной ситуации, применение существовавших механизмов и инструментов принятия решений того времени, роль в них этнической составляющей. После длительных переговоров на уровне местных властей компромисса достичь не удалось. Власти Башреспублики вели агитацию среди местного населения и привлекали для опросов специально подготовленных ответчиков, а представители Уральской области отказывались принимать любое мнение, не соответствующее идее перехода местных крестьян с землей в Уральскую область. В результате вопрос был рассмотрен Административной комиссией ВЦИК, а спорные территории отошли к Уральской области. Таким образом, в государстве, отказавшемся от социальных рамок и дискриминации по происхождению, этнический принцип сыграл ключевую роль при определении границ регионов. Данный пример показывает, что большевики даже в первые годы советской власти руководствовались не только политикой безусловных предпочтений по отношению к «национальным республикам».

Ключевые слова: национальная политика, Уральская область, Башреспублика, административно-территориальные реформы, Сарапульский округ.

Введение

В последние десятилетия в отечественной и зарубежной историографии с опорой на ввод в научный оборот не публиковавшихся ранее источников делаются попытки переосмысления советского опыта нацистроительства и его влияния на особенности современных федеративных отношений.

Интерес к этой теме сегодня обусловлен как парадом юбилеев 2018–2021 гг., когда многие российские республики отметили 100-летие с момента создания, так и попытками переоценки «справедливости» принятых в 1920–1930-е гг. решений. Обсуждаются как статусы и уровни автономий определенных территорий и населяющих их народов (например, выступления жителей в Ненецком автономном округе в 2020 г.), так и объективность принадлежности определенных территорий субъектам федерации [Зорин, Каменских, 2021].

Интерес к проблеме территориальных реформ в СССР в рамках нациестроительства подтверждается также наличием научных статей и защищаемых диссертаций по данной тематике в последние годы [Филенкова, 2019; Аверьянов, 2021; Корженевский, 2022]. Распространенным и весьма аргументированным в историографии является тезис о преимуществах и уступках в рамках национальной политики т.н. «национальным территориям» – административно-территориальным единицам, сформированным по этническому признаку. Историк Т. Мартин применительно к советскому режиму в 2001 г. сформулировал ставшее классическим понятие «империи положительной деятельности» («The affirmative nation Empire») [Мартин, 2011]. Суть этой модели в том, что центральные власти вкладывали значительные средства в поддержку культуры и экономики национальных окраин в ущерб центральным регионам с преимущественно русским населением. С ним солидарен и отечественный специалист В. Ю. Зорин, отметивший в своей последней работе влияние политики «искусственной перекачки средств и ресурсов из центра в национальные окраины», которая сформировала у республик «иждивенческую позицию, а не способствовала их экономической самостоятельности» [Зорин, 2018, с. 179]. Р. Г. Суни охарактеризовал советский опыт как «экстремальный вариант нерусской национализации» [Суни, 2014, с. 28], а советолог Дж. Хоскинг назвал РСФСР «жалким гигантом среди советских республик» [Хоскинг, 2012, с. 98]. Одним из направлений политики «положительной деятельности» стали территориальные уступки и создание собственных автономий для этнических сообществ. Так, американский историк Ю. Слезкин в 1988 г. объяснил особенность национальной политики СССР привязкой национальностей к территориям и формированием в них новых идентичностей. По мнению автора, поддерживаемая государством этническая обособленность («state sponsored ethnic particularism») позже привела к краху СССР [Slezkine, 1994, p. 415]. Автор крупнейших за последние несколько лет монографий по национальной политике СССР В. Г. Чеботарева отметила, что «легитимизация этнического принципа в качестве основополагающего в государственном устройстве Федерации привела к тому, что главным вектором в национальной политике правительства РСФСР стал не союз равноправных и суверенных народов, а выдвинутые волей истории титульные этносы» [Чеботарева, 2008, с. 790].

Обсуждая негативные или позитивные последствия политики «положительных действий», ученые создали нарратив преимущественного положения нерусских народов и их территориальных автономий в СССР в 1920-е гг.

Между тем некоторые исследователи, опирающиеся на архивные источники, отмечают, что граница часто формировалась не по принципу приоритета нерусских народов, а с учетом текущих политических задач, часто даже просто спонтанно. Советскую политику как вынужденную политику компромиссов описала в своей монографии американская исследовательница Ф. Хирш. По ее мнению, большевики поддерживали местный национализм («state sponsored nationalism») для того, чтоб сохранить и централизовать власть [Hirsch, 2005, p. 5, 10–11]. Дж. М. Истер в книге «Советское государственное строительство» доказывает, что «неформальное сотрудничество и внутригосударственные конфликты были нормой, а не исключением в отношениях между центром и регионами» [Истер, 2010, с. 41]. Солидарный с ними отечественный исследователь С. В. Чешко по этому поводу отметил: «В первые годы советской власти, пока В. И. Ленин был во главе государства, в политике последнего не наблюдалось ничего похожего на искусственную и форсированную ассимиляцию каких-либо народов. Новая власть была озабочена тем, чтобы отбиться от внешних и внутренних врагов, привлечь на свою сторону национальные движения, соединить их со своими политическими интересами» [Чешко, 2000, с. 182].

Таким образом, неравноправное положение «русских» территорий по отношению «национальным» не может считаться безусловным принципом советской политики 1920-х гг. В этом позволяет этом убедиться анализ отдельных пограничных и территориальных конфликтов.

В контексте рассматриваемой проблемы интересным представляется опыт Уральской области и ее взаимоотношений с соседней Башкирской Автономной Советской Социалистической Республикой (далее – Башреспублика, БАССР).

Наиболее известными пунктами противоречий между ними стали территории Златоуста и Ялано-Катайского района, о чем свидетельствует даже современная весьма извилистая граница Башкортостана с Челябинской областью. Однако первые конфликты начались на юго-западе Урала, в Сарапульском округе, за территории излучины рек Белой и Камы.

В рамках данной статьи на примере территориальных разногласий между Уральской областью и БАССР будут рассмотрены механизм принятия административных решений в РСФСР и роль в нем этнического фактора. Основным источником исследования стали выявленные в 2020 г. делопроизводственные материалы фонда Р-107 «Сарапульское окружное земельное управление» Управления по делам архива г. Сарапула (УДАС), а также фонды Государственного архива Свердловской области (ГАСО). Материалы впервые вводятся в научный оборот.

Башкирия и Урал в системе раннего советского федерализма

К середине 1920-х гг. образованная в 1922 г. Башкирская АССР и Уральская область (создана в 1923 г.) имели обширную общую границу и довольно высокий неформальный статус в системе федеративных отношений РСФСР. И Башкирская АССР, и Уральская область внесли существенный вклад в победу большевиков, за что местные руководители получили политические, территориальные и экономические преференции. Так, важным событием Гражданской войны на Восточном фронте стал переход башкирской армии З. Валиди в феврале 1919 г. на сторону большевиков [Башкиры, 2015, с. 109], а 14 июня 1922 г. декретом ВЦИК созданная в 1919 г. т.н. «Малая Башкирия» была расширена за счет включения в нее территорий Уфимской губернии и бывших Пермской, Оренбургской и Самарской губерний (О расширении границ..., 1922). Таким образом, центральное правительство РСФСР удовлетворило практически все территориальные притязания своих союзников, реализовав проект т.н. «Большой Башкирии» [Ганиятов, 2019, с. 703–704]. В главном идеологическом труде 1920-х гг. по национальному вопросу «СССР и национальная проблема» И. П. Трайнина, в разделе, посвященном Башкирии, особо отмечается, что она «проделала большую работу по формированию башкирских военных частей, которые с честью выполнили свой долг защитников революции и подчас имели даже решающее значение, как это было под Ленинградом» [Трайнин, 1924, с. 74]. Комментируя территориальные уступки Башкирии, И. П. Трайнин отмечал, что «в основу объединения всегда клался признак преобладающего или коренного состава населения» [Там же, с. 43]. Однако население Башкирии было весьма пестрым в силу исторического характера формирования данной территории. Член Комиссии по изучению племенного состава Ф. А. Фиельструп писал, что «меры разжижения гущи башкирского населения, принимавшиеся правительством, совокупно с естественной колонизацией, принесли плоды, и сейчас мы уже редко находим такие административные единицы, как волость, в которой население было бы сплошь башкирским» [Фиельструп, 1926, с. 7]. Таким образом, Башкирская АССР за помощь советской власти получила земли с очень пестрым этническим составом, даже если башкиры составляли меньше половины населения.

С другой стороны, Уральская область с центром в Свердловске была одним из опорных пунктов новой власти, а население уральских заводов – одной из важнейших социальных баз нового режима. Это была первая область, созданная в РСФСР в рамках районирования, что подтверждает высокий статус доверительных отношений с советской властью (О введении в действие..., 1923). Уральская область была крупнейшим за всю историю данного региона административным образованием, включавшим территории современных Свердловской, Тюменской, Челябинской областей, Пермского края и Удмуртии. На 1 июля 1925 г. Уральская область занимала площадь 1660,7 тыс. кв. км, включающую в себя 16 округов, 206 районов и 3068 сельсоветов с общим населением 6386,1 тыс. человек. Население области было также весьма пестрым, но основу составляло русское население, в связи с чем Уральская область в делопроизводительной риторике тех лет считалась безусловно «русским регионом» [Каменских, 2019, с. 85].

Тем интересней наблюдать, как разрешались противоречия во взаимных территориальных претензиях этих двух крупных регионов. В 1926 г. после завершения районирования Урала председатель Уральского облисполкома Д. Е. Сулимов писал: «Выделение административных границ по национальному принципу еще более осложняет приспособление территорий к хозяйственным районам. Отсюда вполне понятно, что наибольшие эффекты допущены были при проведении дробного районирования». И далее: «Требует срочного урегулирования внешняя граница с Казакстаном и Башреспубликой. Национальный принцип, на основе которого организованы Казакстан и Башреспублика отрицательно отразился на цельности и правильности экономической границы Уралобласти с этими ее соседями» [Урал после районирования, 1926, с. 7–8]. В докладе председателя Уралплана С. Немчинова «Об итогах районирования Урала» от 23 июня 1926 г. говорится о необходимости «неизбежного некоторого пересмотра сетки рай-

онов Госплана, при котором должны быть приняты во внимание национальный момент и территориальная конфигурация современных экономических связей» (ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 41. Л. 37). А уполномоченный по делам нацмен Уралобкома Хасанкеев, в свою очередь, в докладной записке по национальному вопросу в Уралобком в сентябре 1924 г. писал, что «нужен тщательный учет и изучение итогов районирования в направлении исправления в будущем ввиду согласования их границ с языковой принадлежностью населения районов» (ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 40. Л. 340–341).

Источники демонстрируют, что национальный принцип в формировании границ не устраивал руководство Уральской области, и оно готово было предпринимать меры по пересмотру принятых территориальных решений. Это и произошло в результате противостояния за излучину рек Белой и Камы.

Предыстория конфликта

В феврале 1921 г. постановлением ЦИК РСФСР г. Сарапул с большей частью Сарапульского уезда бывшей Вятской губернии был присоединен к Пермской губернии. В 1923 г. в результате слияния этой территории с частью Осинского уезда Пермской губернии образца 1921 г. был создан Сарапульский округ Уральской области. Этнический состав округа также был весьма пестрым, на его территории располагались места компактного проживания татар, башкир, марийцев и удмуртов (Список населенных пунктов..., 1928, с. 9).

Почва для противоречий с Башреспубликой была заложена в досоветский период. Естественными и административными границами между Казанской, Уфимской, Вятской и Пермской губерниями были реки Кама и Белая. Территория излучины рек к югу от Камы и к северу от р. Белой в составе Касевской (с 1921 г. – Сакловской. – М. К.) волости Уфимской губернии принадлежала башкирским землевладельцам, которые сдавали ее на протяжении нескольких десятилетий русским крестьянам. В результате на территории к югу от Камы появился целый ряд деревень с преимущественно русским населением: Саклово с починком Ленинским, Козловка, Новосёловка и Мейляш с населением 2826 человек (УДАС. Ф. Р-107. Оп. 1. Д. 12. Л. 49). На западе эта часть волости граничила с Мензелинским районом Татарской АССР. Жители деревень были выходцами из Каракулинской волости Вятской губернии (с 1923 г. – Каракулинский район) и имели связи с местом исхода. Запрет частного землевладения отменил право башкирских собственников на данные земли, однако формально они относились к Башкирии и рассматривались Башисполкомом как часть собственной исторической территории.

Первоначально территория была включена в состав Башкирской АССР, в связи с чем возникла проблема использования сенокосных угодий. 25 июля 1918 г. и 24 июня 1919 г. проходило их распределение, в результате чего одни и те же угодья переходили в собственность сначала Каракулинскому району, а затем Бирскому и Мензелинскому кантонам, с чем жители Каракулино были не согласны (УДАС. Ф. Р-107. Оп. 1. Д. 12. Л. 35–36). Конфликт начался, когда «в 1921 году с ликвидацией гослугфонда Мензелинским КЗУ часть участков возвращена селениям, получившим их в 1919 году, а часть возвращена по неизвестным обстоятельствам бывшим владельцам башкирам» (Там же. Л. 41).

Дополнительные детали этой ситуации представлены в письме жителя села Новосёлова БАССР Федора Павловича Личидова. По его сведениям, в 1918 г. их село решением Сакловского волисполкома получило луг в 244 десятины на границе с селом Каракулино. Этим лугом граждане пользовались до 1921 г. Когда начался раздел луга, жители Каракулино тоже попытались получить долю, в результате чего возник конфликт. Власти Каракулино даже арестовали нескольких жителей Козловки, но позже они были отпущены (УДАС. Ф. Р-210. Оп. 1. Д. 286. Л. 24). Ежегодно с началом сенокоса конфликт повторялся.

В 1924 г. представитель Уралоблисполкома Б. В. Дидковский, характеризуя ситуацию в Каракулино, писал, что «эти недоразумения в огромном большинстве своем продолжают уже несколько лет..., повторяясь неизбежно ежегодно и нередко с применением физической силы» (Там же. Л. 18). Если верить источнику, были даже вооруженные столкновения. Так, в коллективном заявлении граждан Каракулинского района говорится: «...когда же граждане Арзамасцевской волости, коим был указан означенный луг для костьбы приехали на костьбу, то граж-

дане Мензелинского уезда, вооруженные, их прогнали, о чем имеются дела в суде» (Там же. Ф. Р-107. Оп. 1. Д. 12. Л. 50, 57). Конфликт не был межнациональным, поскольку за право использовать луга спорили русские деревни, оказавшиеся в 1921 г. в разных административных образованиях. Но сам факт противостояния спровоцировал инициативы по пересмотру территориальных границ между Пермской губернией и Башреспубликой.

В мае 1922 г. власти Пермской губернии создали собственную комиссию, которая передала села Новосёлово, Козловку и Мейляш бывшей Сакловской волости с их надельными землями в Сарапульский уезд «без согласия и даже ведома органов власти бывшей Уфимской губернии». С другой стороны, в Мензелинске 1 июня 1922 г. собралась комиссия, на которой власти Башреспублики, а также Татреспублики признали решения комиссии от 21 мая незаконными (Там же. Л. 8).

Уже для разбора сложившейся ситуации 11 марта 1923 г. собралась межведомственная комиссия с участием исполкомов Татарской и Башкирской республик (всего 4 человека с правом голоса) и Пермской губернии (4 человека). В материалах заседания сообщалось о «продолжавшихся с давних времен спорах о лугах, а затем и открытых столкновениях в 1918–1922 годах граждан Сакловской волости Бирского кантона с гражданами Сарапульского уезда» (УДАС. Ф. Р-107. Оп. 1. Д. 12. Л. 6). В протоколе заседания отражено, что уже несколько раз до этого созывались комиссии земорганов, но каждый раз они отменялись из-за отсутствия тех или иных представителей. Документ отражает и «внепорядковые прения присутствующих»: в течение двух дней заседаний голосование разделялось поровну между представителями БашЦИКа и ТатЦИКа и Пермской губернии. В результате, как следует из протокола, стороны «во время хода прений ни к какому единодушному решению не пришли, потому постановили: заседание комиссии закрыть» (Там же. Ф. Р-210. Оп. 1. Д. 286. Л. 6, 11). Таким образом, компромисса в марте 1923 г. не было достигнуто. В июле 1924 г. жители Каракулинского района самовольно выкосили луга, а представители ТатЦИКа арестовали сено до особого решения (Там же. Л. 64). Очевидно, что компромиссное решение могло быть достигнуто только на самом высоком управленческом уровне.

Вступает Уральская область

На случай возникновения территориальных споров в РСФСР 8 октября 1923 г. была принята специальная Инструкция ВЦИК и СНК, пункт 3 которой рекомендовал создавать при райисполкомах районов со спорными территориями Согласительные комиссии с участием заинтересованных сторон, которые перераспределяли территории и население приграничных районов. Эти комиссии принимали итоговое решение, изучая национальный состав, экономическое развитие и административное тяготение населения спорных территорий. После создания Уральской области Уралоблисполком вышел с инициативой создания Согласительной комиссии с Башреспубликой по урегулированию вопроса о принадлежности спорных территорий, учитывая, что население в них русское, а значит, должно входить в Уральскую область.

Учредительное собрание комиссии состоялось 27 июля 1924 г. в г. Уфе. Участие в нем приняли представитель административной комиссии БашЦИКа Бишиев, от Уральской области – Б. В. Дидковский, присутствовал член административной комиссии при ВЦИК РСФСР Даутов, а также представители БашЦИКа. В начале Б. В. Дидковский предложил урегулировать конфликт и договориться об установлении «твердых границ» между Уралобластью и Башреспубликой, «основываясь на национальном, экономическом и административном тяготении и учитывая мнение трудовых масс населения» (Там же. Л. 16). В случае возникновения противоречий Дидковский предлагал обращаться за решением во ВЦИК. Предложение было одобрено большинством. Обращая внимание на то, что «земли трудового Башкирского населения, им самим обрабатываемые и используемые, не должны быть задеты», Б. В. Дидковский тем не менее предлагал «долевое исправление приграничной полосы на основе наиболее целесообразного использования совокупности национальных признаков и экономического и административного тяготения рабочих и трудовых крестьянских масс» (Там же. Л. 19). Решить вопросы о принадлежности этих территорий должна была отдельная согласительная комиссия с выездом

на место. Позже аналогичные комиссии были созданы при Куединском, Каракулинском и Камбарском районах Сарапульского округа, Красноуфимском районе Кунгурского округа. Все они занимались урегулированием границ с Башреспубликой.

Первое заседание созданной после совещания в Уфе окружно-кантонной Комиссии по выяснению границ между Сарапульским округом и Бирским кантоном состоялось в г. Сарапуле 16 сентября 1924 г. В нем приняли участие заместитель председателя земуправления Бирского кантона Л. М. Овчинников и секретарь Ш. С. Гайнулин. От Сарапульского округа участвовали ответственный секретарь Сарапульского округа И. П. Павлов, зав. секцией нацмен С. Г. Хисмич, землемер-ревизор Сарапульского окружного земуправления И. В. Дмитриев. Однако голосование уже по первому вопросу показало непримиримость сторон, поскольку у комиссии, согласно протоколу, было выбрано два председателя и два секретаря – от Сарапульского округа и Башреспублики соответственно. Комиссия должна была выехать на места и решить вопрос о национальном и экономическом тяготении населения бывшей Сакловской волости Башреспублики к Уральской области. В каждой деревне планировалось проводить встречи на уровне сельсоветов с участием представителей волисполкомов, на которых следовало обсудить вопрос о том, желают ли жители перейти в Каракулинский район Сарапульского округа. Особо отмечалось, что в случае перехода селений в Каракулинский район «спорность о лугах в областном масштабе отпадает сама по себе» (Там же).

Опросы населения проводились до 18–20 сентября 1924 г. Встречавший комиссию секретарь волисполкома Р. Мунасимов сразу же заявил, что население против перехода в Сарапульский округ, прибывшие представители деревень также высказались за то, чтобы остаться в составе Башреспублики (УДАС. Ф. Р-107. Оп. 1. Д. 12. Л. 44). Казалось бы, работу комиссии можно было завершать, но, по мнению делегации Сарапульского округа, представители деревень находились под давлением властей Башреспублики. «Волость населяет большинство русских и часть марийцев, и совсем нет татаро-башкир, так что во всех отношениях тяготеет вся волость к нам», – говорится в отчете членов комиссии от Сарапульского округа. Позиция властей Бирского кантона была расценена как «надевание узды на голос населения» и «узурпаторские стремления» (Там же. Л. 47). В качестве аргумента в докладной записке представителя Каракулинского района А. К. Башкова от 23 сентября 1924 г. приведено поведение представителя БашЦИКа, члена комиссии Ш. С. Гайнулина, который вел себя как «ярый националист, изображая из себя хозяина положения, чем вызвал сильный протест». В отчете комиссии говорится, что Гайнулин на опросах населения «одних урезывал в показаниях или их извращал в негодную для них сторону, а других наталкивал на более выгодные для них показания... даже позволял себе высказываться, как бы умышленно создавая споры» (УДАС. Ф. Р-107. Оп. 1. Д. 12. Л. 29–30). По словам А. К. Башкова, Ш. С. Гайнулин давил на представителей д. Мейляш, в результате чего они давали сбивчивые показания, а позже отказывались от многих своих слов (Там же. Л. 37–38).

Отказавшись верить собранным представителям деревень, делегаты Уральской области потребовали на месте созвать съезд с участием всего населения сельсоветов, что противоречило изначальному плану работы. Когда об этом стало известно, пришла телеграмма из БашЦИКа об отказе в проведении таких съездов. В следующей волости представителю БашЦИКа также пришла телефонограмма от председателя кантонного исполкома, в которой было сказано: «Утверждается, о передаче территорий Сарапульскому округу не может быть речи», в результате чего «съезд был сорван, и крестьяне недовольные разъехались по домам, потеряв день страдной работы» (Там же. Л. 39). Протоколом от 22 сентября 1924 г. рабочая группа по выявлению пограничных споров Уральской области и Башреспублики постановила, что решение данного вопроса возможно только путем разрешения земельных споров. В разделе «Разное» комиссия выразила протест против действий уполномоченного БашЦИКа Ш. С. Гайнулина, который «своими поступками дает повод думать о пристрастном его поведении к делу за одну сторону, т.е. граждан Бирского уезда» (УДАС. Ф. Р-210. Оп. 1. Д. 286. Л. 29–30).

Повторно вопрос был рассмотрен 23–24 сентября 1924 г. Как следует из акта окружно-кантонной комиссии, присутствовавший представитель Бирского кантона сообщил, что «кан-

тон запрещает разговаривать о переходе в Сарпульский округ, и он отказывается на этом съезде обсуждать данный вопрос и... с повестки дня вопрос снял». Для такого решения он получил служебную телеграмму от исполкома кантона (Там же. Л. 39). В результате встречи с населением не состоялись.

Комиссия работала также в Камбарском районе, где еще в начале XX в. были самовольные заселения русскими крестьянами из Пермской губернии южного берега реки Буй, хотя граница Пермской и Уфимской губерний в этом районе шла по данной реке. Там было предложено «в целях сохранения существующей естественной границы и хозяйственно-целесообразного использования этих земель» закрепить земли за переселенцами «с причислением переселенцев в административном отношении к Уральской области» (УДАС. Ф. Р-107. Оп. 1. Д. 16. Л. 28 об.). С соответствующим обращением вышли жители деревень Кармановой, Урдяковой, Касак-Каиновой, Кумовой, Кизильяр, Краснояр, Бедряж и ст. Артауловой Байгузинской волости Бирского кантона. Но, как отмечено в протоколе, между просителями и руководством Бирского кантона «возникли разногласия, требующие разрешения этого вопроса в установленном законом порядке» (Там же).

В результате вопрос решался на самом высоком уровне через административную комиссию ВЦИК. В июне 1925 г. Президиумом ВЦИК была создана комиссия «для всестороннего обследования на месте вопроса об установлении границ между Башреспубликой и Уральской областью». Как известно, в феврале 1925 г. Уральской области через административную комиссию ВЦИК удалось добиться оставления в своем составе Пермского края, поскольку он экономически тяготел к Уралу, хотя этнически был близок создаваемой автономной области Коми [Каменских, 2021, с. 41–44]. А в этот раз специальным постановлением ВЦИК от 26 октября 1925 г. было принято решение о передаче «русских» деревень Мейляш, Новосёловка и Козловка Башреспублики в состав Сарапульского округа Уральской области. Итоговые решения отражены в протоколе заседания Сарапульской окружной административной комиссии по районированию при Сарапульском окрисполкоме от 8 сентября 1926 г. (УДАС. Ф. Р-211. Оп. 1. Д. 100. Л. 100–100 об.). Большинство жителей этих населенных пунктов в источниках назывались русскими по национальности (Список населенных пунктов..., 1926, с. 120–134). После этого представитель БАССР Салимьянов отметил в протоколе особое мнение: «Селения неразрывно связаны экономически с БССР, и считаю необходимым переосмыслить этот вопрос в Президиуме ВЦИК» (Там же. Л. 108). Работа административной согласительной комиссии продолжалась до сентября 1926 г. Последнее заседание, прошедшее 8 сентября 1926 г., зафиксировало следующие изменения. Из Башреспублики в Уральскую область было принято 52 населенных пункта численностью 13 398 человек, в том числе русских – 12 722, татар – 145, марийцев – 169, вотяков – 67, прочих национальностей – 295, при этом Башкирии передано 24 населенных пункта с 10 276 башкирского населения (Там же. Л. 100).

Заключение

Приведенные выше факты о конфликтных ситуациях на границе Уральской области, БАССР и ТАССР красноречиво свидетельствуют, насколько бескомпромиссны были позиции региональных советских органов власти в территориальных вопросах. Несмотря на общую большевистскую солидарность, при распределении ресурсов местные власти бескомпромиссно отстаивали право на земли, используя любые методы, включая давление и агитацию. Фактически получив земли в управление в период с 1920 по 1921 г. (а Уральская область – в 1923 г.), они воспринимали их «своими» и отказывались рассматривать любую возможность пересмотра границ даже на уровне переговоров. Власти Башреспублики, например, вели агитацию среди русского населения и отправляли «удобных» представителей для выражения общего мнения, а представители Уральской области, не принимая во внимание никакие экономические доводы (сложившиеся экономические связи и отдаленное местонахождение), указывали на национальную принадлежность населения, хотя ранее само же руководство области выступало против национального принципа при районировании.

В результате центральные власти были вынуждены проводить границы в строгом соответствии с национальным составом населения, сохраняя чересполосицу. И это в стране, где этнические различия были провозглашены уходящими в прошлое.

Стоит отметить, что принятое административной комиссией ВЦИК решение полностью соответствовало требованиям Уральской области. Оно было этнически мотивированным, но в пользу условно «русского» региона, и не принималось органами власти Башреспублики. Это подтверждает тезис о сложном и противоречивом характере административно-территориальной политики в РСФСР в первые годы советской власти, отнюдь не руководствовавшейся только предпочтениями для национальных республик.

Примечания

¹ Статья публикуется в рамках реализации гранта РФФИ № 19-18-00117 «Традиционная культура русских в зонах активных межэтнических контактов Урала и Поволжья».

Список источников

- Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 6892. Оп. 1. Д. 37. Л. 26.
Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 40. Л. 340–341; Д. 41. Л. 37.
Населенные пункты Башкортостана. Ч. III. Башреспублика, 1926. Уфа: Китап, 2002. 398 с.
О расширении границ Автономной Башкирской Социалистической Советской Республики [Электронный ресурс]: декрет ВЦИК от 14.06.1922. URL.: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=29214#f2pI6CTjP4VSDR9> (дата обращения: 30.06.2022).
О введении в действие Положения об Уральской области [Электронный ресурс]: Постановление ВЦИК от 3 ноября 1923 г. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=17300#0550592639252756> (дата обращения: 30.06.2022).
Список населенных пунктов Уральской области. Т. 9. Сарапульский округ. Свердловск: Орготд. Уралоблисполкома, Уралстатуправления и окр. исполкомов, 1928. 149 с.
Управление по делам архивов Администрации города Сарапула (УДАС). Ф. Р-107. Оп. 1. Д. 12. Л. 6, 8, 35–36, 39, 41, 44, 47, 49, 50, 57; Д. 16. Л. 27–28 об.; Ф. Р-210. Оп. 1. Д. 286. Л. 6, 11, 16, 18, 19, 24, 29–30, 37–39, 64; Ф. Р-211. Оп. 1. Д. 100. Л. 100–100 об.

Библиографический список

- Аверьянов А.В.* Национальная политика советского государства на Дону, Кубани и Ставрополье в 1920–1930-е годы: дис. ... д-ра ист. наук. Ростов, 2021. 701 с.
Зорин В.Ю. Национальная политика российского государства в XX – начале XXI века: учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры. М.: Юрайт, 2018. 251 с.
Зорин В.Ю., Каменских М.С. Этнополитическая ситуация в России: современное развитие и основные мегатренды // Вестник Моск. гос. обл. ун-та. 2020. № 1. С. 52–68.
Истер Дж. Советское государственное строительство. Система личных связей и самоидентификация элиты в Советской России. М.: РОССПЭН, 2010. 255 с.
Каменских М.С. Национальная политика в Прикамье в 1918–1939 гг.: региональный аспект. СПб., 2019. 224 с.
Корженевский К.Б. Национально-территориальное размежевание между Сибирью и Казахстаном в 1917–1936 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Нижневартовск, 2022. 288 с.
Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М.: РОССПЭН, 2011. 664 с.
Сунд Р.Т. Советское и национальное: единство противоречий // Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы: материалы VI Междунар. науч. конф., Киев, 10–12 октября 2013 г. М.: Полит. энциклопедия, 2014. С. 17–41.
Трайнин И.П. СССР и национальная проблема (по национальным республикам областям Советского Союза). М.: Красная новь, 1924. 224 с.
Хоскинг Д. Правители и жертвы. Русские в Советском Союзе / пер. с англ. В. Артемова. М.: Нов. лит. обозрение, 2012. 544 с.
Чеботарева В.Г. Национальная политика Российской Федерации. 1925–1938 гг. М., 2008. 832 с.
Урал после районирования. Свердловск: Изд-во Уралсовета, 1926. 149 с.
Фиельструп Ф.А. Этнический состав населения Приуралья. Л.: Изд-во АН СССР, 1926. 39 с.

Филenkova O.A. Реформы административно-территориального деления в РСФСР в 1917–1930-е гг. (на материалах Пензенского края): дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2019. 198 с.
Hirsch F. Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union. Ithaca; London: Cornell University Press, 2005. 368 p.
Slezkine Y. The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism // *Slavic Review*. 1994. Vol. 53. P. 414–452.

Дата поступления рукописи в редакцию 22.07.2022

ETHNICITY FACTORS IN THE TERRITORIAL PARTITION OF URAL REGION AND BASHKORTOSTAN REPUBLIC IN THE 1920s

M. S. Kamenskikh

Perm Federal Research Center, Ural branch, Russian Academy of Sciences, Lenin str., 13a, 614000, Perm, Russia

Perm National Research Polytechnic University, Komsomolskiy av., 29, 614022, Perm, Russia

mkamenskikh27@gmail.ru

ORCID: 0000-0002-4041-086X

ResearcherID: AAO-7027-2020

Scopus Author: ID: 57205528007

The article analyzes the situation of border conflicts between the Ural region and the Bashkir Autonomous Socialist Republic (BASSR) over the territory of the bend of the Belaya and Kama rivers in the 1920s. It is emphasized that nowadays, there is a narrative in historiography about the predominance of “national republics” in the USSR in the 1920s, but this provision may be revised. Until 1918, the lands in question belonged to Bashkir landowners, but were inhabited by Russian peasants who took them on lease. After the Bolsheviks came to power and the abolition of lease relations, both the Ural region and the Republic of Bashkortostan claimed these territories. The former pointed to the Russian composition of the population, the latter indicated the established economic ties. The paper examines in detail the development of this conflict, the application of the existing mechanisms and tools of decision-making of that time, as well as the role of the ethnic component in them. After lengthy negotiations at the level of local authorities, no compromise was reached. The authorities of the Republic of Bashkortostan campaigned among the local population and engaged specially trained respondents for surveys, while representatives of the Ural region refused to accept any opinion that did not correspond to the idea of local peasants transferring with their land to the Ural region. As a result, the issue was considered by the Administrative Commission of the All-Russian Central Executive Committee, and the disputed territories were assigned to the Ural region. Therefore, in a state that has abandoned the prejudices of the past, the ethnic principle has played a key role in defining the boundaries of regions. This example shows that the Bolsheviks, even in the early years of Soviet power, were guided not only by the policy of unconditional preferential treatment of “national republics”.

Key words: national policy, Ural region, Republic of Bashkortostan, administrative and territorial reforms, Sarapulsky district.

Acknowledgments

¹ The reported study was funded by the Russian Science Foundation, project № 19-18-00117 “Traditional culture of Russians in the zones of active inter-ethnic contacts of the Urals and the Volga region”.

References

- Averyanov, A. V. (2021), *Natsionalnaya politika sovetskogo gosudarstva na Donu, Kubani i Stavropolye v 1920–1930-e gody* [The national policy of the Soviet state on the Don, Kuban and Stavropol in the 1920s – 1930s], PhD dissertation, South Federal university, Rostov-On-Don, Russia, 701 p.
Chebotareva, V.G. (2008), *Natsionalnaya politika Rossiyskoy Federatsii. 1925–1938 gg.* [National Policy of the Russian Federation. 1925–1938], GU “Moskovskiy dom Natsionalnostey”, Moscow, Russia, 832 p.
Easter, J. (2010), *Sovetskoe gosudarstvennoe stroitelstvo. Sistema lichnykh svyazey i samoidentifikatsiya elity v Sovetskoy Rossii* [Soviet State Building. The system of personal connections and self-identification of the elite in Soviet Russia], ROSSPEN; Fond «Prezidentskiy tsentr B.N. Yeltsina, Moscow, Russia, 255 p.
Filenkova, O. A. (2019), *Reformy administrativno-territorial'nogo deleniya v RSFSR v 1917–1930-ye gg. (na materialakh Penzenskogo kraya)* [Reforms of the administrative-territorial division in the RSFSR in 1917 – the 1930s (on the materials of the Penza region)], PhD dissertation, Penza State University, Penza, Russia, 198 p.
Fiyel'strup F. A. (1926), *Etnicheskiy sostav naseleniya Priural'ya* [Ethnic composition of the population of the Urals], Izdatel'stvo AN SSSR, Leningrad, USSR, 39 p.

- Hirsch, F. (2005), *Empire of nations: ethnographic knowledge and the making of the Soviet Union*, Cornell University Press, Ithaca, USA; London, UK, 368 p.
- Hosking, D. (2012), *Praviteli i zhertvy. Russkie v Sovetskom Soyuze* [Rulers and Victims. Russian in the Soviet Union], *Novoe literaturnoe obozrenie*, Moscow, Russia, 544 p.
- Kamenskikh, M. S. (2019), *Natsional'naya politika v Prikam'ye v 1918–1939 gg.: regional'nyy aspekt* [National policy in Prikamye region in 1918–1939: regional aspect], Mamatov, St. Petersburg, Russia, 224 p.
- Korzhenevskiy, K. B. (2022), *Natsional'no-territorial'noe razmezhevanie mezhdru Sibir'yu i Kazahstanom v 1917–1936 gg.* [National-territorial delimitation between Siberia and Kazakhstan in 1917–1936], PhD dissertation, Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk, Russia, 288 p.
- Martin, T. (2011), *Imperiya «polozhitel'noy deyatelnosti». Natsii i natsionalizm v USSR, 1923–1939* [The Empire of "Affirmative action". Nations and nationalism in the USSR, 1923–1939], ROSSPEN, Moscow, Russia, 664 p.
- Slezkine, Y. (1994), "The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism", *Slavic Review*, № 53 (Summer 1994), pp. 414–452.
- Suny, R. T. (2013), "Soviet and national: the unity of contradictions", in *Sovetskie natsii i natsional'naya politika v 1920–1950-e gody: Materialy VI mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Kiev, 10–12 oktyabrya 2013 g.* [Soviet nations and national policies in the 1920s – 1950s: Proceedings of the VI International Scientific Conference. Kiev, October 10–12], *Politicheskaya entsiklopediya; Prezidentskiy tsentr B.Eltsina*, Moscow, Russia, pp. 17–41.
- Traynin, I.P. (1924), *SSSR i natsional'naya problema (po natsional'nyim respublikam Sovetskogo Soyuz)* [The USSR and the national problem (through the national republics and regions of the Soviet Union)], *Krasnaya nov'*, Moscow, USSR, 224 p.
- Ural posle rayonirovaniya* (1926) [Ural after zoning], Izdatel'stvo Uralsoвета, Sverdlovsk, USSR, 149 p.
- Zorin, V. Yu. & M. S. Kamenskikh (2020), "Ethnopolitic situation in Russia: modern development and main megatrends", *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*, Vol. 1, pp. 52–68.
- Zorin, V. Yu. (2018), *Natsional'naya politika rossiyskogo gosudarstva v XX – nachale XXI veka: ucheb. posobiye dlya bakalavriata i magistratury* [National policy of the Russian state in the 20th – early 21st century: textbook. allowance for undergraduate and graduate programs], «Yurayt», Moscow, Russia, 251 p.